

Ядро Мира Гор и Морей звучит загадочно, навевая мысли о тайных, сокрытых от посторонних глаз глубинах. На деле же, когда Ао Жуй привёл туда Жун Чэньцзюня и И Даньдани, оказалось, что это заветное место — не что иное, как исполинское древо, а точнее, скрытый в его недрах обособленный мир.

Подойдя к стволу, Ао Жуй лишь повёл рукой — и вековая кора разошлась в стороны, точно натянутая водяная гладь, являя взору проход.

Стоило им переступить порог, как перед Жун Чэньцзюнем раскинулась небольшая, примерно в семьдесят-восемьдесят квадратных метров, ровная площадка. Окутанная густой туманной дымкой, она дышала первозданным покоем. В самом центре, на высоте двух метров, парил пятицветный самоцвет. Камень переливался радужным сиянием, источая столь плотную духовную энергию, что она казалась почти осязаемой.

Жун Чэньцзюнь мгновенно почувствовал, как с плеч спадает невидимый груз. По телу разлилась блаженная лёгкость, схожая с той, что испытывает дитя в утробе матери. Ему стоило огромных усилий не застонать от удовольствия. Чувство было поистине удивительным: точно бродяга, скитавшийся долгие годы, наконец-то вернулся домой и припал к материнской груди. Родное, невероятно близкое тепло укутало его со всех сторон.

Первозданная чистота этого места не оставила равнодушными даже могучих древних сущностей: Цзю Цзинь, Ао Жуй и Ао Лин невольно расслабились, на их лицах проступило редкое умиротворение. Что уж говорить о малыше Даньдане. Едва очутившись внутри, он восхищённо протянул:

— Ух ты... Как же здесь хорошо-о-о~

Ао Лин скользнул взглядом по крошечному существу. В его холодном взгляде промелькнула едва заметная нежность. Этот маленький дух казался ему на редкость очаровательным — из тех беззащитных созданий, которых хочется бережно сжать в ладонях, оберегая от всего мира...

Однако, глядя на то, как ревностно Жун Чэньцзюнь опекает своего кроху, дракон понимал: ему никто не позволит даже прикоснуться к малышу. На лице Ао Линя не дрогнул ни один мускул — он по-прежнему казался неприступной ледяной горой, — но в глубине души шевельнулось глухое сожаление, а пальцы против воли едва заметно сжались.

Из трёх великих покровителей лишь Ао Жуй не отличался суровостью. Услышав лепет малыша, он добродушно усмехнулся:

— Ещё бы не хорошо! Это ведь Ядро — самое сердце Мира Гор и Морей, где духовная сила бьёт чистейшим ключом.

Впрочем, старый дракон тут же посерьёзnel:

— Ладно, задерживаться нам здесь нельзя. Ну же, Сяо Чэньцзюнь, видишь Ядро? Подойди и окропи его своей кровью.

Жун Чэньцзюнь заметил, что старейшина заговорил ощутимо быстрее. Не понимая причин такой поспешности, он не стал задавать лишних вопросов. Первым делом молодой человек бережно пересадил И Даньдана со своего плеча к отцу и остальным: мало ли какая сила высвободится во время ритуала, подвергать опасности кроху не хотелось.

Убедившись, что малыш под защитой, он решительно шагнул навстречу парящему самоцвету.

Не прибегая к иглам, он лёгким движением призвал тончайшее лезвие ветра и рассёк ладонь. Тяжёлая алая капля упала на сияющую поверхность Ядра и мгновенно, без следа впиталась в радужные грани.

В ту же секунду камень отозвался. По пространству пошла едва заметная рябь, сопровождаемая глубоким, рокоchущим гулом. Этот звук вырвался за пределы укрытия, пронёсся над исполинским древом и волной раскатился по бескрайним просторам Мира Гор и Морей.

Каждый дух, каждый зверь и монстр, населяющий эти земли, уловил великий зов, и в их душах мгновенно родилось ясное знание:

У Мира Гор и Морей отныне есть новый Хозяин.

За долгие эпохи существования Мира Гор и Морей в нём родилось едва ли несколько сотен божественных зверей. Каждый из них при рождении скреплял узы крови с родной землёй. И едва мир принимал это подношение, как раздавался благословенный гул, возвещающий о приходе нового защитника.

То была величайшая честь и знак того, что священный мир становится лишь сильнее.

Под звуки этого торжественного гимна Жун Чэньцзюнь безмолвно осознал его истинный смысл. В груди разлилось щемящее тепло: связь с многоцветным камнем окрепла стократно, наполнив его душу безграничным чувством единения, куда более мощным, чем при входе в пещеру.

В его разуме само собой запечатлелось новое знание: отныне, где бы он ни находился, одного его желания достаточно, чтобы в то же мгновение перенестись обратно домой.

Едва узы закрепились, аура Жун Чэньцзюня стремительно пошла вверх.

Он воочию ощутил, как духовные силы буйным потоком устремляются ввысь, сметая все преграды, пока с глухим внутренним щелчком не пал барьер седьмого ранга.

Оставшиеся в стороне застыли, затаив дыхание от изумления.

Ао Жуй ошарашенно вытаращился на молодого человека, и из его горла вырвался невольный вздох:

— Матушка пресвятая... Лао Цзю, ну и самородок твой сынок! Простое признание мира — а он с лёту пробивает следующий ранг!

Все его собственные сыновья и дочери, включая угрюмого Ао Линя, к сегодняшнему дню едва добрались до восьмого ранга. А ведь они потратили на это тысячелетия кропотливых трудов! В среде монстров и божественных зверей столь долгий путь всё равно почитался за величайший дар и выдающийся талант.

А Жун Чэньцзюнь? С момента пробуждения древней крови до обретения признания прошло от силы двое суток, а он уже уверенно встал на ступень седьмого ранга!

Похоже, среди сверстников Ао Линя ему просто не было равных. Каких же вершин он достигнет через века? Пожалуй, тогда даже великому старейшине Ао Жую придётся почтительно склонить перед ним голову.

Изумление на лице Цзю Цзиня мгновенно сменилось ликующим восторгом. Он и представить не мог, насколько велика сила его родной крови!

Но если древние покровители поражались невероятному скачку силы, то И Даньдань застыл, заворожённый внешними переменами.

После прорыва Жун Чэньцзюнь неуловимо изменился. Его аура налилась царственной статью и тонким, едва заметным соблазном. Казалось, один лишь мимолётный взгляд этого лиса способен лишить воли и увлечь за собой в бездну.

Лицо его осталось прежним, но едва ощутимый флёр утончённого изящества сделал Жун Чэньцзюня настолько ослепительным, что Даньдань готов был поклясться: во всей вселенной не сыскать существа прекраснее. Даже стоящий позади Цзю Цзинь теперь мерк на его фоне.

Даньдань глупо захлопал глазками, чувствуя, как крошечное сердечко в груди пустилось вскачь, а к круглым щёчкам предательски прилила горячая краска.

Что за напасть? В последнее время он то и дело заливался румянцем рядом с Жун-жуном...

Не подозревая о буре чужих чувств, Жун Чэньцзюнь бережно прислушался к безмолвному зову. К его изумлению, сквозь узы крови просочилась чистая, почти детская радость, исходящая от самого Мира Гор и Морей.

«Неужели у этой земли есть душа и разум?» — промелькнуло в голове.

Но он тут же отмахнулся от нелепой идеи. Глупости. Мир Гор и Морей — всего лишь древний осколок пространства, неодушевлённая твердыня. Откуда здесь взяться разуму?

Обнаружив, что его ступень возросла, он лишь спокойно принял это как данность ритуала.

И доля правды в его суждениях имелаась. Мир Гор и Морей испокон веков служил колыбелью, домом и последним пристанищем для мириад могучих существ. Рассеявшаяся после их кончины духовная сила бережно копилась землёй, дабы пронизать благодатным дыханием новорождённых. Каждое дитя получало свою толику этой мощи, однако объём дара определялся исключительно врождённым талантом.

Жун Чэньцзюнь появился на свет в мире смертных, поэтому древнее Ядро приняло его за едва явившегося в этот мир младенца. И то, что он сумел единым махом взлететь с шестого ранга на седьмой, наглядно доказывало: его талант граничит с невозможным.

Убедившись, что его меридианы стабильны, молодой человек обернулся к старшим:

— Что дальше? Требуются ли ещё какие-то обряды?

Ао Жуй стряхнул с себя оцепенение и добродушно махнул рукой:

— Дело сделано, мой мальчик. Твои узы скреплены, уходить можно со спокойной душой.

Первым делом Жун Чэньцзюнь шагнул назад и аккуратно пересадил парящего в воздухе И Даньдана обратно к себе на плечо, вновь укрывая его своей невидимой заботой.

Когда Ао Жуй вывел их из тайного пространства, Жун Чэньцзюнь невольно обернулся к великому древу. В его душе шевельнулось робкое, непривычное нежелание покидать этот тихий приют.

Он никогда не отличался излишней сентиментальностью и уж точно не привязывался к местам, поэтому подобное чувство вызвало у него лёгкое удивление.

Именно сейчас на него наконец снизошло полное, отчётливое осознание перемен. Он больше не был обычным смертным предпринимателем — он стал божественным зверем, истинным преемником великого рода.

Пускай Ядро и манило своей безмятежностью, Жун Чэньцзюнь не собирался поддаваться искушению. Короткий вздох — и он решительно отвернулся, возвращая мыслям прежнюю ясность.

Заметив это, Ао Жуй одобрительно хмыкнул про себя. Наследник Лао Цзю, пусть и провёл двадцать лет среди людей неприкаянным полудемоном, обладал редкой крепостью духа. Никаких метаний, полное самообладание. Не то что изнеженная молодь, выросшая в тепличных условиях тайного мира. Вспомнить только, как эти сопляки во время ритуала катались по земле с рёвом, не желая покидать благодатное Ядро! Сразу видно — пороху не нюхали.

Услышь эти мысли Ао Лин, он наверняка закатил бы глаза к самому небу. Сколько лет было тем крохам во время ритуала? Они ведь только-только на свет появились! Какой выдержки можно требовать от грудных младенцев? Старику точно пора почаще выходить в свет, а то от долгого сна разум совсем замутился.

Выйдя на залитую солнцем поляну, Ао Жуй вскользь упомянул, что духовные потоки Ядра пронизаны редчайшей Энергией Первозданного Хаоса, сохранившейся ещё со времён сотворения вселенной. Этот бесценный дар берегут для новорождённых. Взрослые божественные звери поглощают силу слишком стремительно, и частые визиты могли опустошить сокровищницу, нарушив хрупкий баланс всего Мира Гор и Морей.

Именно поэтому, ступая под сень дерева, старшие запечатывают свои энергетические каналы. Не сделай они этого — и прожорливые пасти древних драконов в одночасье высосали бы Ядро досуха.

Лишь после этих слов Жун Чэньцзюнь осознал, какая невероятная удача ему улыбнулась.

— Ну что, Сяо Чэньцзюнь, — лукаво прищурился старый дракон, — узы скреплены, и каждый житель Мира Гор и Морей теперь знает, чья кровь течёт в твоих жилах. Нужно ковать железо, пока горячо! Как насчёт того, чтобы закатить в твою честь пышную церемонию?

Старик питал непреодолимую страсть к шумным сборищам. Собственно, он и от векового сна очнулся лишь ради празднества, а уж теперь, завидев столь славный повод, и вовсе загорелся идеей.

На сей раз Цзю Цзинь не стал, как обычно, журить друга за ребячество. Напротив, он согласно кивнул:

— Торжество и впрямь не помешает. Заодно во всеуслышание объявим, что ты — будущий правитель клана Девятихвостых лисиц. Чэньцзюнь, как бы тебе хотелось всё обустроить?

Ао Жуй засыпал их предложениями:

— О, предоставьте это мне! Нынешняя молодёжь терпеть не может чинной и унылой древней классики. Им подавай весёлые приёмы, музыку, танцы! Сяо Чэньцзюнь, коли доверяешь дядюшке Ао, отдай подготовку мне. Уж я-то устрою тебе вечеринку в честь возвращения, которую ты вовек не забудешь!

Несмотря на почтенный возраст, старик оставался неисправимым повесой. Буквально на днях он подговорил своих жён устроить в уединённых чертогах закрытую «пляжную вечеринку», а теперь вознамерился разгуляться по-крупному за чужой счёт.

Жун Чэньцзюнь вежливо улыбнулся, покачав головой:

— Благодарю за щедрость, дядюшка Ао. Боюсь только, я вырвался сюда ненадолго, буквально на пару дней. Мне необходимо лететь в страну Ф для подготовки к показу новой коллекции. Так что без пышных торжеств вполне можно обойтись — достаточно и того, что сородичи приняли меня. Лишняя шумиха ни к чему.

Не успел он договорить, как в глазах старого дракона вспыхнул опасный огонёк предвкушения. В груди Жун Чэньцзюня шевельнулось недоброе предчувствие: «Неужели этот старый пройдоха намылился на показ?..»

Догадка подтвердилась мгновенно. Ао Жуй подался вперёд:

— Показ мод? И что, весело там у вас?

Жун Чэньцзюнь замялся:

— Э-э...

Как тут ответить? Для него самого каждая подготовка к дефиле превращалась в сущий кошмар, где приходилось пахать как проклятому, — тут уж не до веселья. Но с другой стороны, его подчинённые ждали этих дней как манны небесной. Тот же Мин Юй всякий раз умудрялся оторваться на светских раутах по полной программе.

Ао Лин, превосходно знавший все повадки своего ветреного папаши, безжалостно раскрыл карты:

— Будто ты в этой стране Ф не бывал. Насколько я помню, в прошлый раз твои ухаживания за местной графиней закончились... Мх-м!

Договорить ему не дали — Ао Жуй стремительным щелчком запечатал дерзкий рот заклятием безмолвия. Лицо старейшины озарила приторно-сладкая улыбка:

— Зачем же ворошить дела давно минувших дней, сынок? Тебе что, претит покой собственного родителя, раз ты то и дело норовишь испортить мне настроение?

При одном лишь воспоминании о том, какую взбучку устроили ему тогда разгневанные жёны-драконицы, старик невольно поёжился. Разумеется, его ветреный нрав не раз выходил ему

боком, но в тот раз из-за романа с заморской красавицей супруги обошлись с ним особенно сурово...

И всё же охотничий азарт никуда не делся. Проведя в спячке столько веков, старый змей отчаянно нуждался в свежих впечатлениях и лёгком флирте.

Сам Ао Лин, пускай и принадлежал к тому же роду драконов, ветрености родителя не разделял. За несколько тысяч лет жизни он ни разу не запятнал свою честь мимолётной связью, ведя строгий и почти аскетичный образ жизни. Развратные повадки отца вызывали у него лишь глухое презрение, а потому и щадить его чувства он не собирался.

Впрочем, если на репутацию отца ему было глубоко наплевать, то с Жун Чэньцзюнем следовало вести себя уважительно. Как президент группы Жунгуан, Ао Лин давно держал руку на пульсе и знал о грядущем показе «Чэньсин». По его приказу подчинённые уже подготовили масштабный проект соглашения о сотрудничестве. Бумага пылилась в столе лишь потому, что Жун Чэньцзюнь не спешил заглядывать в Ассоциацию монстров, а Цзю Цзинь до последнего тянул с признанием сына.

Теперь же, когда молодой лис официально вернул себе статус хозяина Мира Гор и Морей, настал идеальный момент, чтобы обсудить дела.

<http://bllate.org/book/18224/1752956>